

РИМА ЦИЦЕНЕНЕ

*Библиотека им. Врублевских Литовской академии наук,
Вильнюсский Университет*

Мир рукописной и печатной книги Великого княжества Литовского в XVI–XVII вв.: связи и пересечения

Статья посвящена одной из проблем истории книги в ВКЛ — соотношению рукописных и печатных книг во второй половине XVI–XVII вв. Источник исследования — хранящиеся в Отделе рукописей Библиотеки им. Врублевских Академии наук Литвы рукописные кодексы, переписанные в ВКЛ в данный период. Автор стремится раскрыть сходства и особенности архитектуры рукописных и печатных книг; проанализировать заново составленные для нужд греко-католической церкви рукописные книги; ответить на вопрос, все ли тексты, списки XVII в., объединенные в форме кодексов, можно назвать рукописной книгой.

Ключевые слова: рукописная книга, печатная книга, кириллица, ВКЛ, XVI в., XVII в., унияты.

Введение

При изучении истории книжной культуры важно определить не только этапы развития книги (рукописной, печатной, электронной), но и то, что их объединяет и разделяет. Уже на переломе XVII–XVIII вв. образованные люди понимали связь между рукописями и печатными изданиями, а также важность последних: “И не откуда ж книги друкованные свету явлению, тилько з писанных. И не откуда писанные походят, едно з книг печатных друкованных”¹. Эпоха рукописной книги в Великом княжестве Литовском (далее — ВКЛ) датируется XIII–первой половиной XVI вв., а начало истории печатной книги учеными трактуется по-разному. Одни исследователи считают началом этого этапа развития книги рубеж XV–XVI вв., когда в Польше по инициативе граждан ВКЛ начали печататься книги. Католические духовные лица разных рангов подготавливали книги на латинском языке, а знать поддерживала издание книг с кириллическими текстами. Другие ученые началом книгопечатания считают появление типографии в ВКЛ и издание первой печатной книги:

в 1522 г. в доме вильнюсского мещанина Я. Бабича Франциск Скорина, вернувшийся около 1520 г. из Праги, основал первую типографию, где в том же году издал “Малую подорожную книжицу” (1522–1523). В середине XVI в. книгопечатание в своих владениях — Берестове, Несвиже, Лоске, Заблудове и др. — стали развивать вельможи. Они основывали типографии, финансово поддерживали издание книг на разных языках и для нужд различных конфессий. Расцвет книгоиздательства приходится на конец XVI в., когда в Вильнюсе стали функционировать не только частные, но и институциональные типографии (Мамоничей, Я. Карцана, Вильнюсской академии, Вильнюсской общины Евангелической реформатской церкви, Православного братства Св. Троицы, впоследствии Св. Духа). Только в Вильнюсе в XVI в. было напечатано 158 наименований книг [Narbutienė, Narbutas 1998, 13]. Однако исторические источники — описи имущества и каталоги библиотек, сохранившиеся в хранилищах экземпляры — свидетельствуют о том, что в это же время (до XVIII в.) не только функционировали ранее созданные, но и вновь переписывались рукописные книги.

Раннему этапу истории печатной книги уделено немало внимания. Литовские исследователи книг в основном исследовали книги на литовском, латинском и польском языках; ученые из Беларуси, России и Украины интересовались кириллическими книгами. Были составлены каталоги книг: по языкам, типографиям, национальной принадлежности, местам хранения, по времени издания или по типу письма. Начальный этап истории печатной книги обсуждался в монографиях, обзорах, учебниках, научных статьях, сборниках, посвященных как отдельным экземплярам, так и типографиям, языку или орнаментации, книжному декору. В последние годы и в Литве началось систематическое книговедческое изучение изданных в ВКЛ кириллических книг [Kažuro 2013].

То, что в первой половине XVI в., со временем появления в Литве печатных книг, рукописные кодексы не исчезли, отметил уже В. Биржишка [Biržiška 1954, 4]. По словам историка, их репертуар расширился: кроме церковной литературы, появились правовые акты и летописи, причем более дешевые печатные книги очень скоро вытеснили рукописные кодексы, в особенности латинские. По мнению Л. Владимировой, когда в Западной Европе во второй половине XV в. начали печатать церковные книги, “переписывать их стало бессмысленно” [Vladimirovas 1979, 129]. Поэтому внимание ученых было направлено на содержание, оформление и распространение светских рукописных книг начала XVI в. Российские исследователи уже в середине 70-х гг. XX в. обратили внимание на соотношение рукописной и печатной книги, однако

для них также особенно важны были вопросы начального этапа книгопечатания: каким образом произошел переход от рукописной книги к печатной, как рукописные книги стали образцом для печатных, каково было распространение таких книг по библиотекам и пр. [Сидоров 1975]. Эти вопросы обсуждались учеными Восточной и Центральной Европы, в частности, на конференции в Кракове в 1991 г., где некоторые доклады были посвящены связям печатной и рукописной книги [Rusek 1993; Kaszlej 1993]. Белорусский исследователь Н. Николаев в истории книги ВКЛ [Нікалаеў 2009], выделяя этап совместного бытования рукописных и печатных книг (с рубежа XV–XVI вв. до 1645 г.), определяет его как начало печати, распространение идей Ренессанса и гуманизма. Основное внимание Н. Николаев уделяет формированию репертуара рукописных и печатных книг до XVIII в. Подробно представляя репертуар церковных книг основных конфессий, упоминая как рукописные, так и печатные экземпляры, он оставляет в стороне аспекты книжной архитектоники и оформления. В последние годы историки литературы и Церкви обратили также внимание и на литературные тексты на латинском языке, написанные в XVII в. по образцу рукописных книг [Antanavičius 2015; Liškevičienė 2015].

Приведенные данные свидетельствуют о том, что проблема совместного бытования рукописных и печатных книг в ВКЛ уже попадала в поле зрения ученых. Однако до сих пор нет хотя бы приблизительных подсчетов, сколько сохранилось (или могло сохраниться) рукописных книг ВКЛ, переписанных со второй половины XVI в. до начала XVIII в. Опираясь на замечания ученых и на некоторые каталоги [напр., Naumow, Kaszlej 2004], можно утверждать, что такие кодексы хранятся в различных хранилищах как на территории бывшего ВКЛ — в современной Беларуси, Украине, так и в России и Польше. Хранящиеся в настоящее время в Литве кириллические книги каталогизированы [Морозова 2008], однако их книговедческие аспекты не исследованы. В конце XIX в. первые подробные библиографические описания кириллических книг Вильнюсской публичной библиотеки составил Ф. Добрянский [Добрянский 1882], в начале XX в. некоторые экземпляры отметили белорусские ученые Е. Карский [Карский 2007] и В. Ластовский, дополнивший его работу [Ластоўскі 1926]. Было собрано немало фактографического материала не только о функционировавших в ВКЛ экземплярах рукописных книг, но и об их писцах. На рубеже XX–XXI вв. исследователи обновили описания отдельных экземпляров [Морозова, Турилов, Кобяк 1997], подготовили и опубликовали списки хранящихся в различных библиотеках и музеях Литвы кириллических

книг [Морозова, Темчин 2002; 2002a], уточнили некоторые датировки [Морозова 2008]. Сохранившиеся кодексы на латинском и польском языках, к сожалению, зарегистрированы не были.

Хотя рукописные книги были известны, они упоминаются в каталогах, но что именно о них известно? Влияло ли на них одновременное бытование с печатными книгами? Сохранили ли рукописные книги традиции производства или стали ближе к книге печатной? Все ли тексты, списки XVII в., объединенные в форме кодекса, можно называть рукописной книгой? Ответить на эти вопросы автор постарается в данной статье, стремясь при этом установить связи и пересечения рукописных и печатных книг в книговедческом аспекте. Без зарегистрированного объема этих книг, разумеется, можно провести лишь первичное исследование и получить частичные выводы, однако полученные результаты позволили бы выдвинуть гипотезы и определить дальнейшие пути изучения.

Объектом первичного исследования были избраны хранящиеся в БВАНЛ кириллические рукописные кодексы второй половины XVI–XVII вв. Для сравнения привлекались и единичные сохранившиеся документы в форме кодексов на латинском, польском языках. Исследовались в первую очередь формальные признаки книги данной эпохи: использованные при производстве материалы, архитектура, организация страницы, элементы украшения; содержание и языковые особенности не учитывались. Для сравнения привлекались также печатные издания ВКЛ этого периода, сохранившиеся в фондах БВАНЛ или находящиеся в открытом виртуальном доступе. При отборе и датировке кодексов мы опирались на анализ водяных знаков в [Морозова 2008]. В исследование не включены примеры практической (деловой) письменности (напр., описей имущества усадеб), несмотря на то, что им придана форма кодекса.

В ходе исследования было отобрано и *de visu* просмотрено 112 кодексов, хранящихся в фондах четырех собраний Библиотеки: Коллекции русских книг (*Rusišku knygu kolekcija*, F 19), Остатков рукописей Вильнюсской публичной библиотеки (*Vilniaus Viešosios bibliotekos rankraščių likučių fondas*, F 22), Вильнюсских белорусов (*Vilniaus baltarusių fondas*, F 21) и Литовской православной консистории (*Lietuvos stačiatikių konsistorijos fondas*, F 41). Среди сохранившихся в Библиотеке кодексов большую часть составляют книги, принадлежавшие библиотеке Благовещенского монастыря в Супрасле (42 ед.), несколько меньшую часть — библиотеке Успенского монастыря в Жировичах (15 ед.). По несколько экземпляров сохранилось из библиотек Троицкого Маркова

монастыря (недалеко от Витебска, 8 ед.), Вильнюсской духовной семинарии (4 ед.) и др.

По хронологии создания книги распределяются следующим образом: ко второй половине XVI в. отнесены 25 экземпляров; к первой половине XVII в. — 33, ко второй половине XVII в. — 54. Объекты исследования разделены на три группы с опорой на исторический контекст: события в жизни государства тем или иным образом определили как развитие истории книги, так и число сохранившихся экземпляров. Первая группа объединяет кодексы, относящиеся к периоду со времени создания Речи Посполитой в 1569 г. до конца XVI в., когда на территории ВКЛ стали активно и бесперебойно действовать типографии. Вторую группу составляют кодексы, переписанные с начала XVII в., когда в государстве повсеместно стали функционировать печатные книги, начала действовать Церковная уния, давшая импульс развитию письменности. Границей между вторым и третьим периодами является середина XVII в. — период московской оккупации (1654–1667) и потери части украинских земель, а наряду с этим и различного рода других потерь, в том числе и культурных. Так, видимо, можно отчасти объяснить значительно меньшее (по сравнению со следующим периодом) количество сохранившихся экземпляров, созданных до середины XVII в. К третьей группе отнесены книги, переписанные в период восстановления обычной повседневной жизни в стране и до конца XVII в., когда в одном из самых больших культурных центров, в Супрасле, в 1692–1693 гг. была основана типография. Распределение книг по прежним местам хранения и периоду их составления иллюстрирует таблица 1.

Таблица 1. Распределение книг по прежним местам хранения и времени их составления

<i>Библиотека</i>	<i>Время переписывания</i>	<i>II половина XVI в.</i>	<i>I половина XVII в.</i>	<i>II половина XVII в.</i>
Благовещенский монастырь в Супрасле		8	8	26
Успенский монастырь в Жировичах		1	9	5
Троицкий Марков монастырь в Витебске		3	3	2
Литовская духовная семинария в Вильнюсе		-	-	4
Другие места		13	13	17
Всего:		25	33	54

Приведенные данные вызывают следующие вопросы: в каком политическом, конфессиональном, культурном контексте рождались рукописи? Что влияло на распределение книг, кроме военного ущерба? Какие события могли повлиять на традицию их переписывания?

Исторический контекст

Несмотря на изнурявшие регион во второй половине XVI–XVII вв. войны и религиозные распри, а также восстания и территориальные утраты в южных землях государства, возрастала потребность в коммуникации и обмену информацией как в административной, так и в частной сферах. Лучше всего ее удовлетворяла письменность, на развитие которой влияли события политической, культурной и религиозной жизни страны. Следует упомянуть хотя бы несколько наиболее важных событий, повлиявших на развитие книжной культуры ВКЛ. В 1569 г. после заключения Люблинской унии было создано новое государство — Речь Посполитая. Административный и культурный центр переместился в Краков, а затем в Варшаву. Усилились связи политической и социальной элиты с Польшей, сложились благоприятные условия для проникновения польского языка и культуры в ВКЛ. Книги стали писать и печатать не только на латинском, церковнославянском языках, русской мове, но и на польском языке: так, I Литовский Статут напечатан в 1588 г. на русской мове, а уже в 1614 г. — на польском языке. В то же время в стране распространялись идеи реформации и Ренессанса, разгоралась религиозная полемика среди протестантов-реформаторов и их противников, давшая импульс для ее фиксации в печатном виде. Стремясь избежать распространения “ошибочных мыслей”, католическая церковь и некоторые страны начали регулировать процессы в печати: в 1515 г. во время пятого Латеранского собора, в котором участвовали и представители ВКЛ, папа римский Леон X объявил запрет на печать книг без разрешения и проверки Церковью. Эти установки в расширенном виде были подтверждены на Тридентском соборе. В 1559 г. папа римский Павел IV запретил переписывать, издавать, печатать и даже использовать рукописные книги, не проверенные предусмотренными для этого церковными авторитетами [Ten rules 1999]. Список запрещенных сочинений, созданный Павлом IV, известен как первый официальный “*Index librorum prohibitorum*”.

Строгие порядки распространились и на наши земли. В 1580 г. Стефан Баторий издал устав для типографий, в котором запрещалось печатать что-либо без разрешения цензуры. В 1581 г. архиепископ Виленский Ю. Радзивилл эдиктом определил процедуру и процесс цензуры: некоторые рукописные тексты должны были получить апробацию не только в своей провинции, но и в Риме [Vladimirovas 1979, 520–521]. Можно предположить, что именно это приостановило переписывание рукописных католических кодексов, а позже и их функционирование.

Нужные церковные книги печатались теперь как в Западной Европе, где процедура цензуры уже была устоявшейся, так и в ВКЛ.

В книгах нуждалась и развивающаяся система образования. В начале XVI в. стала расширяться сеть приходских школ, что приобрело совершенно иные масштабы после Тридентского собора и после прибытия в Вильнюс в 1569 г. членов ордена иезуитов. Накопленный монашеством интеллектуальный потенциал дал мощный импульс системе образования: уже в 1570 г. в Вильнюсе была основана иезуитская коллегия, вскоре ставшая университетом. В ответ на это несколько позже стали учреждаться протестантские школы и коллегии. Вместе с тем все больше детей вельмож и дворян ВКЛ отправлялось учиться в европейские университеты и путешествовать по Европе. Так росло количество образованных людей, интеллектуалов, формировалось их понимание роли письменности в политической, социальной жизни. Они были не только читателями, но и сами начали сочинять, писать тексты, в том числе и практические руководства, интересовались разными областями науки и искусства, заказывали карты владений. Светские тексты, а также их переводы создавались в виде рукописной книги, которая затем могла быть напечатанной [об этом см. Antanavičius 2002]. Все эти сочинения собирались в разных библиотеках.

Таким образом, печатные книги широко распространились как в публичной, так и в частной жизни. Только в XVI в. в ВКЛ было издано более 500 различных книг (около 220 на латинском языке, около 200 на польском, более 60 на руськой мове и церковнославянском языке, около 30 на немецком, 8 на литовском) [Narbutienė 2017].

Еще одно событие, имевшее особое значение для развития книжной культуры — объявленное 18 октября 1596 г. на Брестском церковном синоде соглашение между православной и католической Церквями об унии, на основании которого была создана Католическая церковь греческого обряда (т. наз. униатская церковь) [Брестская уния 1996; Černius 2002]. Православные киевские митрополиты, стремясь сохранить практику православного обряда и литургические традиции (о чем была достигнута договоренность еще на Флорентийском соборе), подготовили проект унии с католической церковью из 33 пунктов (“Статьи объединения с Римской Церковью”). В изданном 24 сентября 1595 г. универсале об объединении Церквей Сигизмунд Ваза III подтвердил, что эти традиции будут сохранены [Архив 1859, 470–471; Брестская уния 1996, 183], а 23 февраля 1596 г. “33 пункта” утвердил буллой папа римский Климент VIII, оговорив при этом, что традиций можно придерживаться настолько, насколько они соответствуют учению католи-

ческой церкви. Таким образом, униаты приняли догматы католичества, сохранив православную литургию и церковнославянский язык. После заключения Брестской унии еще несколько десятилетий велись диспуты с протестантами и католиками, кипела борьба между православной и католической церковью греческого обряда, что отразилось и в полемической письменности того времени. По мнению историков, уния начала действовать лишь после 1609 г. [Макарий (Булгаков) 1996], когда два православных центра письменности ВКЛ перешли на сторону унии — Супрасльский монастырь в 1609 г. и Жировичский монастырь в 1613 г.

В 1613 г. Киевским митрополитом стал монах виленского монастыря Св. Троицы И. Вельяминов-Рутский, взявшийся за укрепление униатской Церкви. Получивший образование в католической Европе — в Праге, Вюртсбурге, Риме, он реформировал основанный после 1604 г. И. Кунцевичем в виленском монастыре Св. Троицы Василианский орден по образу Ордена иезуитов. В 1617 г. митрополит созвал в свое родовое поместье Рута возле Новогрудка капитулу василианских монастырей, которые, объединив пять монастырей (Вильнюсский, Битенский, Жировицкий, Минский и Новогрудский), основали греко-католический орден Св. Василия Великого (*Ordo Sancti Basilii Magnum*) с центром в Вильнюсе. В структуре и регуле ордена подчеркивалась пасторская, просветительская деятельность. Орден начал строить церкви, монастыри, основывал школы, занимался издательской деятельностью, стремясь совместить восточную контемпляцию и западное пастырство на понятном народу языке [Temčinas 2011, 47–49]. В научной литературе утверждается, что еще почти век после Брестской унии, до Замостского собрания 1720 г., униатская церковь использовала для литургии старые православные книги, которые как переписывались, так и печатались [подробнее об униатской литературе см. Čiurinskas 2008; 2011 и др.].

С конца XVI в. в ВКЛ при церквях стали активно действовать православные светские духовные братства. Одним из первых было основанное в 1587 г. Виленское братство Св. Троицы (позднее — Св. Духа); в начале XVII в. братства уже действовали в Слуцке, Могилеве, Минске, Орше, Пинске, Полоцке, Витебске, Кобрине и других городах. Они стали влиятельными религиозными, просветительскими обществами, которые поддерживались православной знатью и дворянством. Одной из основных целей их деятельности стало изучение Библии и писаний Отцов Церкви для спасения души, а с 1596 г. — и борьба с униатами. Братства активно организовывали школы, библиотеки и типографии, издавали книги не только на греческом и церковнославянском языках, но и на польском и латинском. Только в Евье усилиями братства и под-

держивающих их дворян до 1660 г. было издано 25 книг на церковно-славянском, русьском и польском языках.

Эти события политической, культурной и конфессиональной жизни определили одновременное бытование рукописных и печатных книг: церковные кириллические кодексы, предназначенные для ежедневной литургии, по-прежнему переписывались, в то же время и в самой стране, и за ее пределами печатались книги на языках ВКЛ для представителей различных конфессий. Как это совместное бытование отражено в кодексах середины XVI – конца XVII вв., хранящихся в БВАНЛ?

Из рукописной книги в печатную

В первой половине XVI в. рукописная книга в ВКЛ уже была единым организмом, со своей архитектурой, элементами внешней и внутренней структуры, приспособленными для книг разных типов, и с установившейся их иерархией. Заказчик книги, назначение текста, элементы структуры и художественное оформление книги было тесно связаны. Чаще всего по заказу вельможи или церковного иерарха переписывались сакральные тексты (Евангелия-тетр, Апостолы, Псалтыри). Книги обильно иллюстрировались миниатюрами, нарядными инициалами неовизантийского или балканского стиля. Тексты литургической письменности переписывались более скромно, по возможности украшались заставками и инициалами. Наиболее просто выглядела церковная литература, давшая начало научной и светской книге. Кодексы переписывали уже не только лица духовного чина, но и миряне, их стали переписывать и для личного пользования. Центры письменности перемещались из крупнейших монастырей и королевского двора в поместья вельмож. Для написания книг все чаще, помимо *lingua sacra* (латинского, церковно-славянского), используется *lingua profana* — руська мова и польский язык [Темцінас 2011, 49–55]. Таким образом, все сильнее проявлялось различие между церковной и светской письменностью.

Отдельные кириллические печатные издания не могли удовлетворить ежедневных нужд православной церкви, поэтому традиция переписывания кириллических книг во второй половине XVI в. все еще была распространена. Чаще всего это все еще кодексы формата 1-2°, в обтянутых кожей деревянных обложках, писанные каллиграфическим, аккуратным полууставом, украшенные заставками, рубриками, инициалами и деталями орнамента, с местами сохранившимися колофонами со сведениями о переписывании книги. Сохранилось и традиционно роскошное оформление Евангелий-тетр: их иллюстрировали миниатюрами, обложки обтягивали бархатом, украшали серебряными уголками и

жуковинами, застежками. Появляются и новые признаки. Во-первых, во второй половине XVI в. начинает меняться формат роскошных сакральных и литургических кодексов: обнаруживаются отдельные экземпляры формата 4-8° [ОР F19-29, 39, 41, 166, 168, 216 и др.]². Книжные блоки, относящиеся к сакральной и церковной письменности, стали окрашивать красным, желтым или зеленым цветом. В книгах, переписанных в последней четверти XVI в., заметны первые признаки свободного письма. Используемый в них полуустав уже не столь каллиграфичен и аккуратен, появляется характерный для курсива наклон в правую сторону, ставший отличительным признаком книг XVII в. Декор многих книг становится проще, примитивнее [см. об этом также: Kaszlej 1993, 169]. Растущая грамотность и потребность в чтении влияла на распространение текстов (так, в 1593 г. Игнатий Проскура по просьбе Супрасльского монаха Исаяи переписал “Житие св. Варлаама и Иоасафа” [F19-75] и “Измарагд” [F19-240]), вела к расширению репертуара актуальных для того времени теологических, аскетических чтений (об этом свидетельствует, например, составленная в то время подборка сочинений и переводов блж. Максима Грека [F19-249]). Отдельные книги для чтения переписывались с сохранением обычной структуры, но скорописью, в кодексах малого формата. Можно предположить, что уменьшенный, удобный для переноса формат сакральных кодексов, передача текстов скорописью или наклонным письмом (как в светских книгах или книгах для чтения) свидетельствуют об их изменившемся предназначении: их составляли уже для личных нужд, а не только для совершения церковных ритуалов.

Люди, начавшие печатать книги в ВКЛ, жили в окружении рукописных книг. Еще в 1975 г. Д.С. Лихачев заметил, что они хорошо знали функционировавшие в то время рукописные книги, процесс их изготовления, все структурные элементы и в первых печатных работах старались следовать образцам лучших экземпляров [Лихачев 1975, 3], причем не только лучших в художественном смысле, но и самых необходимых в отношении содержания. Эти знания и умения демонстрируют 4 первые кириллические книги, появившиеся при королевском дворе по инициативе дворян ВКЛ Гоштаута, Солтана и Сапег [Mironowicz 2003] в Кракове в типографии Ф. Швайполта. Это “Триодь цветная” и “Триодь постная” (обе до 1490 г.), “Часослов” и “Октоих” (обе в 1491 г.). В этих изданиях была использована архитекtonика и внутренние элементы рукописной книги, сохранившиеся в печатных церковных книгах вплоть до начала XVII в.

Несмотря на то, что рукописные книги были прототипами для множества книг, напечатанных позже, очень скоро в печатных книгах появля-

ются новые элементы, а некоторые существующие элементы меняются. Уже Ф. Скорина, печатая “Русскую Библию” (1517–1520), использовал характерные для латинской рукописной (а позже и печатной) книги сюжетные заставки и инициалы, а каждое произведение Библии начинал нарядным титульным листом. Таким титульным листом со второй половины XVI в. в печатных изданиях считаются и скомпонованные в центре первого листа элементы структуры книги: заставка, название произведения, текст рубрики (incipit), написанный варьирующимся как по размеру, так и по цвету шрифтом³. В кириллических изданиях конца XVI–начала XVII вв. часто нумеровались не только тетради, но и листы. Однако нумерация последних начинается так же, как в рукописных книгах — от начала основного текста произведения, пропуская посвящения, введения, указатели содержания, календари литургических чтений. Декор становится разнообразнее. Среди гравированных сюжетных или орнаментных инициалов попадаются отпечатки букв и неовизантийского, балканского стиля⁴. При печати сакральных текстов миниатюры с изображениями евангелистов, Отцов Церкви заменялись гравюрами⁵. Новым было и то, что в отдельных изданиях на месте изображений авторов текстов (как правило, святых) издатели печатали свои портреты (как, напр., Ф. Скорина, В. Тяпинский⁶), а покровителей и меценатов увековечивали, печатая их гербы⁷. Еще свободнее поступали при издании светских, официальных текстов. Напр., в типографии Мамониной текст Статута Великого княжества Литовского 1588 г. [L-16/2-2] напечатали в два цвета канцелярской скорописью; в тексте использованы кустоды, буквенная нумерация, а также указаны номера страниц в верхнем углу листа. Сведения об издании напечатаны на титульном листе, причем вязь использована только для заглавия произведения, а все остальное напечатано специальным курсивным шрифтом, имитирующим скоропись. Книга украшена портретом Сигизмунда III Вазы и гербом ВКЛ. Несколькоими годами ранее в той же типографии подобным образом была издана и другая книга — “Постановления Верховного трибунала Литвы” (1586). До этого времени в рукописных кодексах государственной или родовой символикой как имущественным знаком украшались лишь кодексы, составленные для правителей или вельмож, церковных иерархов. Так на рубеже XVI–XVII вв. в печатных изданиях сохранялись традиции книги рукописной, получившие новую интерпретацию и интегрированные в новые структурные элементы, адаптируя культурные традиции, бытовавшие в то время в государстве.

В середине XVI в. появилось новое явление: при все еще существующей нехватке книг, особенно вновь составленных текстов, недоста-

ющее стали переписывать из печатных изданий. По подсчетам С. Темчина, сохранилось 17 (!) рукописных (полных или частичных) списков “Малой подорожной книжки” и 11 списков “Апостола” Ф. Скорины, выполненных в 1568–1890 гг. [Temčinas 2017, 77; напр., F19-262]. Такие факторы, как совместное бытование рукописных и печатных книг, рост распространенности печатных изданий, их переписывание, наряду с увеличением числа грамотных людей и усилением их потребностей в информации, способствовали нововведениям в изготовлении рукописных кодексов.

Из печатной книги в рукописную

Новая униатская церковь нуждалась в литургической литературе с пригодными для нее текстами. По данным ученых, униаты еще долгое время (почти сто лет) использовали православные церковные книги. Однако старых экземпляров не хватало. Часть нужных текстов, особенно учебную и полемическую литературу, по возможности печатали, другую часть (главным образом, литургические тексты) переписывали, придерживаясь вышеупомянутых общих канонов изготовления рукописной книги. Такое традиционное переписывание, видимо, можно связать не только с нехваткой книг, но и с обещанием сохранить старые практики православного обряда и традиции литургии. Однако полемика между православными и униатами в начале XVII в. повлияла на условия и процесс переписывания рукописных книг. Первое заметное явление, свидетельствующее об изменениях — это перенос активного центра письменности из Супрасля в Жировичский монастырь, где в 1613–1614 гг. игуменом был И. Кунцевич. Значительно обновленный монастырь стал духовно-политическим центром униатской церкви того времени, одной из задач которого было собирание нужной для новой церкви литературы. Книги переписывали и дарили представители других монастырей: после 1617 г. была подарена книга “Сочинения Симеона, нового богослова” [F19-72], ранее принадлежавшая виленскому Троицкому монастырю; около 1620 г. “Беседы св. Иоанна Златоуста на Послание к римлянам” [F19-68] переписал и подарил Жировичскому монастырю епископ Пинский и Туровский П. Сиковский. Именно в этот период под руководством Пинского епископа Р. Корсака, архимандрита Лещинского монастыря (под Пинском) И. Дубовича и Жировичского игумена П. Войны-Оранского был подготовлен и переписан монахом Никодимом Козицким необходимый для униатской литургии и церковного порядка “Номоканон” (1634 г.) [F19-242]. Вскоре была подготовлена его точная копия [F19-243], другие сборники, хотя до настоящего

времени остается непонятным, где именно были переписаны эти кодексы. Деятельность монастыря на некоторое время прервал казачий набег в 1655 г.

В это же время, в 30-е годы XVII в., возрождалась деятельность Супрасльского монастыря. В 1632 г. греко-униатский митрополит И. Вельяминов-Рутский и будущий каштелян трокский К. Ходкевич после долгих споров договорились о праве опеки над монастырем, и в 1635 г. монастырю был дарован новый устав. Оживилась деятельность скриптории. Уже в 1638–1639 гг. по заказу архимандрита Н.М. Шибинского⁸ был подготовлен “Ирмологий” [F19-116], переписанный и переплетенный монахом Федором Семеновичем из Бережан. Кодекс представляет собой составленный для униатских обрядов тип литургических песнопений, функционировавший только на территории Речи Посполитой. В первой половине XVII в. была подготовлена вся группа миней для литургии, сборник текстов для чтения; переписывались старые “Синодики” (1631, F19-89). Колофоны сохранившихся экземпляров (напр., “Трефологион”, 1691, F19-210) с данными о переписывании текста позволяют утверждать, что в монастыре работало несколько писцов, готовивших кодексы не только для Супрасля, но и для других монастырей.

В ходе анализа (*de visu*) с книговедческой точки зрения кодексов, переписанных с первой половины XVII в., было установлено несколько тенденций их подготовки, связанных с разными группами экземпляров.

К **первой тенденции** относятся кодексы для церкви. Большая часть книг уже формата 4°, но предназначенные для литургии псалтыри еще сохраняют форматы 1–2°. Для обложек еще используются кожа и дерево, металлические и кожаные застежки. Сакральные и некоторые литургические книги, в сущности, переписываются с учетом старых традиций (организация листа, наклонный полуустав, иерархия рубрик и инициалов и пр.), вводятся лишь единичные новые элементы, характерные для печатных книг: уже появляются кустоды, иногда — кириллическая нумерация страниц, окрашенные блоки, запись начальных рубрик буквами, похожими на печатный шрифт. Такие кодексы свидетельствуют о сохранении в монастырях не только литургических и обрядных традиций, но и о традиций скрипториев.

Однако в группе книг, предназначенных для церкви, есть и новые литургические произведения, созданные для нужд униатов. Уже с 30-х гг. XVII в. в них появляется большое количество новшеств, связанных как с попыткой объединить в литургии две традиции, так и с влиянием печатной книги на рукописную. Рукописи перенимают некоторые организационные элементы структуры и распределения, характерные для

листа печатной книги: все чаще встречается титульный лист (как простой [F19-54, 89, 195 и др.], так и более нарядный, с бордюром [F19-46], фронтисписом [F19-191, 192, 196, 209]), на котором инципит размещается в центре по вертикальной оси. Однако, в отличие от печатных изданий, титульные листы рукописных книг не всегда бывают первыми, часто следуют после молитв, порядка обряда, то есть в том месте структуры, где в рукописном кодексе рубрика зачинала основной текст произведения. В некоторых экземплярах встречаются уже и более мелкие рубрики, зачинающие части текста и записанные по центральной оси [F19-177, 195 и др.]. Текст снова пишется в очерченной рамке листа, имитируя древнейшие кодексы, и заканчивается кустодой. В экземплярах чаще всего нумеруются листы (в конце века — страницы [F19-192]), а не тетради; они могут быть пронумерованы параллельно кириллическими и арабскими цифрами [F19-190] или только римскими [F22-72]. Если ранее дефектные листы или недостающие тексты переписывались заново и переплетались с основным текстом, то в указанный период недостающие тексты стали подклеивать из печатных изданий не только на русской мове, но и на латинском, польском языках, переписывались переводы латинских и польских текстов [F19-89, 138, 244]. Двужычную систему пытался использовать в колофоне и священник Лука из Жухавиц, записавший данные о переписывании Евангелия на церковнославянском, а затем повторивший их на польском языке [F21-815]. Неудивительно, что все чаще среди кириллических инициалов попадают и латинские буквы [F21-815]. Даже в книгах, используемых в литургии, рядом с текстом, написанным полууставом, появляется скоропись (рождается иерархия текстов на одной странице, выраженная в письме и языке [Temčinas 2011, 47]), писец не всегда придерживается аккуратного распределения текста на листе.

Рукописи новых авторских произведений в это время могли подготавливаться путем совмещения элементов из рукописных и печатных книг: инципит превратить в титульный лист и записать его красными чернилами, придерживаясь центральной вертикальной оси; названия разделов писать красными чернилами, но номер части писать уже по центру листа, а не на полях; текст писать красивым полууставом с кустодами; в начале произведения привести ряд цитат из евангельских текстов, авторское обращение к читателю. Перестало действовать правило начинать каждую новую крупную часть произведения с правой стороны разворота ([F22-82]).

Внешний вид рукописной книги упростился. Уже с середины XVII в. в переплете вместо деревянных досок стали использовать картон, уху-

шалось качество бумаги — она серела и становилась тоньше, так что написанное часто просвечивает [F19-160, 226 и др.]. Если листы плохо подклеивались, то чернила растекались и бумага вокруг них желтела, а при несоблюдении технологии изготовления чернил буквы в тексте не только расплывались, бледнели, но и прожигали бумагу.

Отдельного рассмотрения заслуживает украшение униатских рукописных книг. Поскольку в них объединялись тексты, актуальные для греческой и католической церквей⁹, то и украшение получило особое воплощение в технике исполнения и в своеобразной стилистике. Начиная с середины XVII в., книжные иллюминаторы свободнее обращались с элементами книжного декора, не придерживаясь строгих канонических сюжетов. Самое большое влияние на это, видимо, оказало распространение печатных книг и способ их производства.

Искусствоведы заметили, что уже первые кириллические печатные книги в ВКЛ были украшены как образами западной иконографии, так и работами местных мастеров. Типографское оборудование одалживали, передавали из одной типографии в другую [Liškevičienė 2014, 44]. Поскольку в традиционном процессе украшения книги часто использовались имевшиеся трафареты, то с середины XVII в. скриптории начали приобретать отдельные элементы для печати и использовать их вместо трафаретов: отпечатывали заставки (иногда дополненные рукописными деталями [F21-815]), инициалы. В тех случаях, когда таких оттисков не имелось, их пытались имитировать: сохранилось множество кодексов с буквами, сюжетными или украшенными орнаментами (чаще цветочными, а не геометрическими), заставками, нарисованными сходным образом [F19-50, 122, 221, 226 и др.]. Имитировалась и западная буквенная вязь, ее элементы [F19-229, л. 24 об.; ср. Liškevičienė 2014], части текста заканчивались рисованными орнаментальными виньетками [F19-186, л. 17 об.], цветными или обведенными черным контуром деталями растительно-геометрического мотива [F19-143, 190 и др.], похожими на печатные.

Поскольку в это время печатная книга часто уже имела титульный лист, украшенный мотивом арки / ворот, в конце XVII в. такие листы приобретались и для рукописных кодексов. В Библиотеке сохранились 4 экземпляра с такими фронтисписами. Один титульный лист (для переписанного в Супрасле “Службника” [F19-196]) скопирован с печатного издания “Анфологиона” (1632 г.) С. Соболя [R-17/2-27]. В другом экземпляре взяты использованные ранее оттиски: в рукописном униатском “Службнике” XVII в. [F19-191] для титульного листа использован оттиск фронтисписа, который встречается как минимум в трех

изданиях — в “Апостоле” (Киев, 1630; Кутеино, 1632) и в “Новом Завете. Апостоле” (Кутеино, 1652). При этом в пустое поле в центре вписано соответствующее название кодекса, внизу титульного листа рукописи оттиснута дополнительная заставка (она использована и в другом месте в книге), а также имеются оттиски десятка инициалов и еще двух заставок. Еще два рисованных чернилами фронтисписа не идентифицированы. Один из них (в “Требнике” конца XVII в. [F19-209]) прибыл из Жировичского, другой (в “Служебнике” 1693 г. [F19-192]) — из Супрасльского монастыря. Рукописное заглавие в последнем свидетельствует, что книга списана с изданного там же в 1692/93 гг. “Служебника”, при этом запись на титульном листе кодекса несколько отличается как по содержанию, так и по схеме распределения текста; в целом тексты рукописи и печатного издания также не идентичны. Обращает на себя внимание уровень художественного исполнения фронтисписов в двух рассматриваемых рукописных экземплярах. Известно, что в это же время в Жировичах работал и вырезал изображение Богоматери (1682) Л. Тарасевич [Liškevičienė 2005a, 255], выполнивший гравюры и для упомянутого супрасльско-виленского “Служебника”. Он и его брат, художник-монах А. Тарасевич [Liškevičienė 2005, 254], иллюстрировали не одно издание для униатского Киевского митрополита К. Жоховского (1635–1639). Искусствоведческий анализ мог бы подтвердить или опровергнуть гипотезу, что эти неидентифицированные фронтисписы также принадлежат руке Л. Тарасевича.

Книжные художники XVII в. в книгах с церковными текстами не только повторяли печатные сюжеты в заставках, но и сами пытались их создавать [F19-122, л. 180; 165; 191, л. 267; 221], импровизировать [F19-44, 46, 155], иллюстрировать текст изображениями (напр., патены, ран Христа [F19-190, л. 3 об.; 191, л. 172 об]), создавать декоративные орнаментальные монограммы [F19-54, л. 137; 191, л. 172]), разноцветные виньетки [F19-229], придавать колофону символическую форму православного креста [F19-68, л. 314 об.].

Сохранившиеся кодексы XVII в. свидетельствуют не только о творческом потенциале, профессионализме и изобретательности книжных мастеров, но и о знании ими приемов иллюминации более раннего времени. В богатой монастырской библиотеке они могли видеть хранящиеся там рукописные книги разных эпох, иллюминированные в различных стилях, и во вновь составляемых кодексах использовали как новинки, так и все, что давала древняя традиция. Поэтому создаваемые в это время рукописные кодексы стали образцами особо декоративной книги. В уже упоминавшемся сборнике “Ирмологий” [F19-116], переписанном

в 1638–1639 гг. в Супрасле, есть византийские зооморфные инициалы, заставки с растительными орнаментами и образами святых (напр., Богородицы), вязью (21 заставка с особо роскошными инициалами). Элементы декора прорисованы чернилами и пером, некоторые элементы раскрашены пигментами. Другие инициалы и заставки похожи на западные гравюры: с ренессансными ангелами, роскошными рамками и гербом Королевства Польского. О заказе книги и ее переписывании свидетельствует запись на польском языке в орнаментальной фигуре — виньетке [F19-116, л. 271 об.]. Другой интересный в декоративном отношении экземпляр — еще один “Ирмологий” [F19-115], переписанный в Супрасльском монастыре в 1662 г. по заказу Киевского митрополита Г. Календы. Украшавший его художник (или художники) также стремились совместить традиционный и новый стили декора, придумывали новые техники. Кодекс начинается с указателя ирмосов (напоминающего содержание), далее следует написанный в бордюре титульный лист. Основной текст произведения начинается с миниатюры с каноническим сюжетом, имитирующей гравюру (св. Иоанн Дамаскин сочиняет ирмосы); на соседнем листе разворота — заставка с растительным орнаментом и инициал в балканском стиле. Всего в книге сохранилась 21 заставка и 26 роскошных инициалов. Заставки и инициалы часто связаны между собой, имеют сюжет или символический смысл, как бы создающий общую сюжетную линию. Мотивы характерны для декора как католических, так и православных книг. Фантазия художника сказывается в применении разнообразных техник декора: это и рисунок акварелью, тушью, и раскрашивание пигментами, а также подчеркивание фраз золотыми и серебряными чернилами, текстильные аппликации (чаще всего так декорируется изображаемая одежда) в рисунке, украшение специально (?) созданной и приклеенной гравюрой. Большинство декоративных деталей в этом кодексе отличается профессионализмом, они очень похожи на раскрашенные гравюры. Несмотря на выполнение декора в различных техниках или их сочетаниях, соблюдается единообразие художественной стилистики заставки и главного инициала. В конце книги обнаруживаются и несколько “огненных” инициалов. Таким образом, эту книгу можно считать обильно иллюминированным смешением рукописного кодекса и печатной книги.

Вторая тенденция — это списки со светских печатных изданий. Примером влияния печатной книги на рукописную в то время стал перевод научного труда Я. Гевелия “Selenographia: sive Lunae descriptio ...” (Гданьск, 1647; [F19-318]) с латинского языка на гибридный церковнославянский язык с полонизмами¹⁰, сделанный спустя десятилетие после

выхода книги. В кодексе переплетены 43 иллюстрации, представляющие собой либо оригинальные гравюры, либо оригинальные гравюры, но уже с переведенными, вписанными от руки текстами, либо перерисованные с большой точностью. Поскольку место перевода и переписи до сих пор дискутируется, больше внимания ему не будем уделять; отметим лишь, что перерисованные гравюры свидетельствуют о профессионализме работавшего над ними художника.

Использование оттисков для гравюр, видимо, было обычной практикой. Цикл таких гравюр есть и в хранящейся в БВАНЛ католической “Табулатуре Сапег” [F30-119]. Среди рукописных нотных листов — 25 гравюр на меди первой половины XVII в. французского художника-графика Ж. Мессагера, изображающих сцены из жизни Франциска Ассизского.

Третья тенденция — это книги, изготовленные для личного, частного использования. Увеличивался спрос на различные, уже функционировавшие тексты, кроме того, люди сочиняли новые тексты. Хотя они и переписывались канцелярской скорописью, чернилами одного цвета, но при этом в них заметно стремление сохранить структуру текста, его организацию на странице (рубрики, кустоды, колонтитулы, инициалы, иногда самостоятельные украшения [F19-82] или с местами, оставленными для украшений). Книги такого типа чаще всего писали уже не на церковнославянском языке, а на русской мове. Похоже выглядят и кодексы, в которых, как считается, знаменитые духовные лица того времени — И. Кунцевич, М. Смотрицкий — переписывали или фиксировали записанные проповеди, другие тексты [F19-259, 261]. Кроме того, составлялись сборники выписок из евангельских текстов, переведенных с церковнославянского языка на русскую мову [F41-649]. Сохранился и один личный дневник, написанный по-польски¹¹. Переписанные для личных целей книги (сборники текстов), как правило, были меньшего, 4-8⁰ формата, некоторые в мягких кожаных и картонных обложках. Писцы не были связаны правилами или канонами, однако, желая иметь “настоящую” книгу, старались изготовить ее похожей на привычную, рукописную или печатную, книгу.

Выводы

В многоконфессиональном, многонациональном и многоязычном Великом княжестве Литовском с середины XVI в. распространялись книги, напечатанные как латинским, так и кириллическим шрифтом, на латыни, русской мове, греческом, церковнославянском и литовском языках. Они предназначались для нужд католической, православной, протестантской и униатской церквей, как для литургии, так и для полемики

или личного чтения. Сохранившиеся экземпляры свидетельствуют, что до конца XVII в. в старых православных (позднее ставших униатскими) центрах письменности переписывались имевшиеся рукописные книги и сочинялись новые. Мощный импульс этим процессам дала церковная уния 1569 г.

Несмотря на сложные исторические обстоятельства, в ВКЛ сохранилось два крупных центра рукописной книги: Успенский монастырь в Жировичах и Благовещенский монастырь в Супрасле. В последнем униаты вскоре начали печатать книги: в 1692/93 гг. здесь была открыта типография, работавшая до начала XIX в. (1803 г.). В этих монастырях под руководством церковных иерархов (митрополитов, архимандритов) были подготовлены первые рукописные книги, необходимые для литургии католической церкви греческого обряда, в содержании и декоре которых были и католические элементы. Это позволяет выдвинуть гипотезу, что начало униатской церковной письменности следует связывать не с Замостским синодом 1720 г., а со второй четвертью XVII в.

Обобщая данные по проанализированным выше экземплярам, хранящимся в БВАНЛ, можно утверждать, что в середине XVII в. – XVII в. происходило двухстороннее движение: по имеющимся в монастырских библиотеках рукописям подготавливались и печатались книги, а последние переписывались в кодексы. Наряду с этим подготавливались и новые литургические книги, переводы светских текстов на руську мову, составлялись сборники отдельных новых (сочиненных или выписанных) текстов.

С конца XVI в. внутренняя структура рукописных книг менялась незначительно, заметны изменения отдельных признаков: уменьшался формат кодексов, менялись материалы, используемые для переплетов, окрашивались внешние края книжных блоков, письмо несколько наклонилось вправо. Кодекс перенял от печатной книги титульный лист, рамку текста, кустоды, а позже (с середины XVII в.) — и счет листов и страниц. Таким образом, можно утверждать, что книжные мастера сохранили традицию структуры рукописной книги ВКЛ во второй половине XVI в. – XVII в., при этом удачно используя новые функциональные элементы структуры печатных изданий.

Первые печатные книги переняли от рукописных кодексов основные структурные элементы: формат, внутреннюю архитектуру книги, счет физической структуры содержания в тетрадах, письмо двух типов (полуустав для церковных текстов и шрифт, напоминающий скоропись — для светских), структуру расположения текста, системы заставок и ко-

лофонов, рубрик и инициалов, колонтитулов; все еще делались записи о переписывании экземпляра, дарении, заклатья против книжных воров. В светских печатных изданиях некоторые элементы рукописных книг подверглись большим изменениям: заказчик книги или меценат уже не просто упоминался, но печаталась гравюра с его портретом, фамильный герб. Все яснее становилось понимание авторства текста, появились первые портреты авторов книг или печатников, авторские обращения к читателю.

Наибольшие изменения претерпел декор рукописных книг, как в стилистическом, так и техническом отношении, что особенно отчетливо видно во вновь сочиненных литургических кодексах католической церкви восточного обряда. Появились сюжетные заставки и инициалы, растительные орнаменты в заставках; для иллюстрирования книги использовались не только пигменты, но и текстиль (шелк). В одной книге можно обнаружить инициалы в общем балканском стиле наряду со смесью различных стилей книжного декора — от тератологического, византийского инициала до оттиска сюжетного инициала. Часто в одной книге использовались различные техники исполнения: имитации оттисков (сюжетных букв, заставок, виньеток), перерисовки (копии) оттисков, наклейки (специально отпечатанных?) гравюр или их частей, иногда раскрашенных. Если в самых ранних печатных книгах инициал прорисовывался, то в рукописных книгах ВКЛ второй половины XVII в. делали гравированный оттиск. Писцы и художники старались, чтобы рукописная книга была как можно больше похожа на печатную, поэтому декор рукописных книг XVII в. все еще ждет пристального внимания искусствоведов.

Исследование способов переписывания рукописных кодексов, их украшения, сохранения определенных структурных элементов, состав текстов в них позволяет сделать вывод об очевидном разделении между подготовкой церковных и светских рукописных кодексов, а также высказать гипотезу об объектах, предназначенных только для личного использования.

До конца XVI в. почти все тексты в кодексах фиксировались в целях общественной коммуникации, для удовлетворения социальных, служебных или политических нужд. С начала XVII в. появляются кодексы, составленные только для личного использования: под один переплет собираются тексты различного содержания, как вновь сочиненные, так и переписанные, без учета канонических редакций; книги переписываются скорописью, без использования деталей декора, но с минимальными, основными структурными элементами, сохраняющими ор-

ганизацию текста, облегчающими чтение. Такие списки, получившие особое распространение позже, в XVIII в., сформировали в грамотном обществе привычку создавать для себя занятные *Silva rerum* — кодексы с иллюстрациями, или же по образцу книги вести дневники домашнего хозяйства, заложившие основы эгодокументальной письменности — дневников, мемуаров. Сборник текстов, служащих не для публичной коммуникации, а исключительно для личных нужд, едва ли можно назвать рукописной книгой (даже если он имеет форму кодекса).

Таким образом, во второй половине XVI–XVII вв. изменилось назначение рукописной книги. В общественной коммуникации она стала заменяться печатным изданием. Сборники деловых, литературных текстов, составленные по образцу рукописного кодекса, становятся способом фиксации личной (персональной) информации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цитата из “Сборника аскетических текстов”, конец XVII–XVIII вв., скит Успения Богородицы (Панагия Ксирургу), Пантелеймонов монастырь на Святой Горе Афон, L033368, с. 1v. За возможность использовать цитату благодарю др. А. Турилова и проф. С. Темчина.

² Здесь и далее указаны сигнатуры кодексов в Отделении рукописей БВАНЛ.

³ Пример такого титульного листа сохранился в подготовленном С. Будным “Катехизисе” (Несвиж, 1562); описанная структура представлена, напр., в “Учительном Евангелии” Каллиста (Вильнюс, 1616).

⁴ Напр., в “Молитвнике, или Требнике” (Вильнюс, 1617).

⁵ В упоминавшемся выше “Учительном Евангелии” напечатан портрет Константинопольского патриарха и архиепископа Каллиста.

⁶ Считается, что сохранившийся портрет 1576 г. предназначался для его печатного “Евангелия”. См. [Шматаў 2000, 57].

⁷ Напр., в “Учительном Евангелии” (Заблудов, 1569) напечатан герб мецената издания Г. Ходкевича.

⁸ М.Н. Шибинский в 1643 г. заказал вильнюсскому художнику (см. “Синодик”, F19–89) Андрею Модзелевскому в Гданьске иконостас для главной монастырской церкви. В Супрасле иконостас оказался только в 1664 г., до наших дней не сохранился.

⁹ Напр., в “Хронографе” (F19-110) в одном месте собраны истории античных времен, Византии, Западной Европы, Римской католической церкви.

¹⁰ За уточнение языка благодарю проф. С. Темчина.

¹¹ “Dyaryusz compendioze zebrany od paczątku służby woyskowej Alexandra Dyonizego Woyszka Skorobogatego,”, F17-229.

ЛИТЕРАТУРА

- Архив, 1859 = *Архив Юго-Западной России*. Ч. 1. Киев.
- Брестская уния, 1996 = *Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI – начале XVII в.* Ч. I: *Брестская уния 1596 г.: Исторические причины*. Москва.
- Добрянский Ф. (сост.), 1882: *Описание рукописей Виленской публичной библиотеки, церковно-славянских и русских*. Вильна.
- Карский Е., 2007: *Белорусы*. Т 3. Минск.
- Ластоўскі В. (апр.), 1926: *Гісторыя беларускай (крыўскай) кнігі: спроба паясьніцельнай кнігопісі ад канца X да пачатку XIX стагодзьдзя*. Коўна.
- Лихачев Д.С., 1975: Задачи изучения связи рукописной книги и печатной, in *Рукописная и печатная книга*. Москва, 3–10.
- Макарий (Булгаков), 1996: *История Русской Церкви*, т 9. Москва. URL: <https://www.sedmitza.ru/lib/text/435711> (18.01.2018).
- Морозова Н. (сост.), 2008: *Кириллические рукописные книги, хранящиеся в Вильнюсе*: каталог. Vilnius.
- Морозова Н., Темчин С., 2002: Церковнославянские рукописи Национального музея Литвы (предварительный список), *Slavistica Vilnensis (Kalbotyra (2))*, т. 51 (2). 135–142.
- Морозова Н., Темчин С., 2002a: Церковнославянские рукописи Национальной библиотеки Литвы им. М. Мажвидаса (предварительный список), *Slavistica Vilnensis (Kalbotyra (2))*, т. 51 (2). 117–134.
- Морозова Н., Турилов А., Кобяк Н., 1997: Кириллические рукописные книги XV–XIX вв. в собраниях фондов 21 и 22 БАН Литвы, *Krakowsko-Wileńskie studia slawistyczne: Seria poświęcona starożytnościom słowiańskim*, т. 2. Kraków, 41–112.
- Нікалаеў М., 2009: *Гісторыя беларускай кнігі: в двух тамах*. Т. I: *Кніжная культура Вялікага Княства Літоўскага*. Мінск.
- Сидоров А. (сост.), 1975: *Рукописная и печатная книга*. Москва.
- Щавинская Л., 1998: *Литературная культура белорусов Подляшья XV–XIX вв.: книжные собрания Супрасльского Благовещенского монастыря*. Минск.
- Шматаў В., 1984: *Беларуская кніжная гравюра XVI–XVIII стагоддзяў*. Мінск.
- Шматаў В., 2000: *Мастацтва беларускіх старадрукаў XVI–XVIII ст.* Мінск.
- Antanavičius D., 2015: 1695 m. Kražių rankraščio chronogramas ir chronostichai, *Senoji Lietuvos literatūra*, kn. 39. 53–80.
- Antanavičius D., 2002: Teodoras Lackis ir Italija. Nauji Lietuvos ir Italijos kultūrinių ryšių XVI a. antrojoje pusėje faktai, *Res Balticae*, т. 8. 169–192.
- Biržiška V., 1953: *Senųjų lietuviškų knygų istorija*. D. 1. Chicago.
- Černius R., 2002: Bažnytinė unija, in Ališauskas V. (sud.), *Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos kultūra: tyrinėjimai ir vaizdai*. Vilnius, 72–93.
- Čiurinskas M., 2008: XVI–XVII amžiaus Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės biografistika, *Senoji Lietuvos literatūra*, kn. 26. 183–212.
- Čiurinskas M., 2011: Naujas dangiškasis globėjas: kai kurie „opinio sanctitatis“

- aspektai istoriniuose ir literatūriniuose pal. Juozapato gyvenimo šaltiniuose XVII a., *Acta Academiae artium Vilnensis*. Dailė, t. 60: *Dangiškieji globėjai, žemiškieji mecenatai*. 85–98.
- Eisesstein E. L., 2012: *The Printing revolution in early modern Europe*. Cambridge [etc.].
- Kaszlej A., 1993: Wpływ cerkiewnosłowiańskiej książki drukowanej na rękopiśmienną (na podstawie zbiorów Biblioteki Narodowej w Warszawie), in *Najstarsze druki cerkiewnosłowiańskie i ich stosunek do tradycji rękopiśmiennej: materiały z sesji* (Kraków, 7–10.XI.1991). Kraków, 167–178.
- Kažuro I., 2017: Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės spaustuvių privilegijos, *Knygotyra*, t. 68. 38–82.
- Kažuro I. (sud.), 2013: *Vilniaus universiteto bibliotekos kirilikos leidinių kolekcija, 1525–1839*: katalogas. Vilnius.
- Liškevičienė J., 1998: XVI a. pab. – XVII a. Vilniaus spaustuvių knygų grafika (Kelių pastabos Vilniaus knygų grafikos meniškumo klausimu), *Knygotyra*, t. 25 (32). 110–125.
- Liškevičienė J., 2005: Tarasevičius Aleksandras, in Paliušytė A. (sud.), *Lietuvos dailininkų žodynas (= Dictionary of Lithuanian artists)*, t. 1. Vilnius, 253–255.
- Liškevičienė J., 2005a: Tarasevičius Leonas, in Paliušytė A. (sud.), *Lietuvos dailininkų žodynas (= Dictionary of Lithuanian artists)*, t. 1. Vilnius, 255–257.
- Liškevičienė J., 2014: Išryškinti ir papuošti: ankstyvųjų Vilniaus spaudinių ornamentika, in Aleksandravičiūtė A. (sud.), *Ornamentas: XVI–XX a. I pusės paveldo tyrimai*: mokslo straipsnių rinkinys. Vilnius, 34–60.
- Liškevičienė J., 2015: 1695 m. Kražių rankraščio apipavidalinimas: nuo ornamento iki žemėlapio, *Senoji Lietuvos literatūra*, kn. 39. 81–113.
- Mironowicz A., 2003: *Kościół prawosławny w państwie Piastów i Jagiellonów*. Białystok.
- Narbutienė D., 2004: *Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos lotyniškoji knyga XV–XVII a.* Vilnius.
- Narbutienė D., 2017: Po Skorinos. Leidyba Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštijoje, in Narbutas S. (sud.), *Pranciškaus Skorinos Rusėniškajai Biblijai — 500*. Vilnius, 88–102.
- Narbutienė D. (sud.), Narbutas S. (sud.), 1998: *XVII a. Lietuvos lotyniškų knygų sąrašas (= Index librorum latinorum Lituaniae saeculi septimi decimi)*. Vilnius.
- Naumow A., Kaszlej A. (oprac.), 2004: *Rękopisy cerkiewnosłowiańskie w Polsce*: katalog. Kraków.
- Rusek J. [et al.], 1993: *Najstarsze druki cerkiewnosłowiańskie i ich stosunek do tradycji rękopiśmiennej: materiały z sesji*, Kraków, 7–10.XI.1991. Kraków.
- Temčinas S., 2011: Bažnytinės knygos rusėnų kalba ir religiniai identitetai slaviškose Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės žemėse XIV–XVIII amžiuje: protestantų ir unitų tradicijos, *Lietuvos istorijos studijos*, t. 28. 44–59.
- Temčinas S., 2017: Skorina ir Lietuva. Mažoji kelionių knygelė ir Apaštalų darbai ir laiškai, in Narbutas S. (sud.), *Pranciškaus Skorinos Rusėniškajai Biblijai — 500*. Vilnius, 69–77.

- Ten rules, 1999 = *Ten rules concerning prohibited books drawn up by the Fathers chosen by the Council of Trent and approved by Pope Pius in Modern History Sourcebook: Council of Trent: Rules on Prohibited Books*. URL: <https://sourcebooks.fordham.edu/halsall/mod/trent-booksrules.asp> (11.03.2018)
- Topolska M. B., 1984: *Czytelnik i książka w Wielkim Księstwie Litewskim w dobie Renesansu i Baroku (Książki o Książce)*. Wrocław.
- Vladimirovas L., 1979: *Knygos istorija: Senovė. Viduramžiai. Renesansas. XVI–XVII amžius*. Vilnius.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

- Antanavičius D., 2002: Teodoras Lackis ir Italija. Nauji Lietuvos ir Italijos kultūrinių ryšių XVI a. antroje pusėje faktai, *Res Balticae*, t. 8. 169–192.
- Antanavičius D., 2015: 1695 m. Kražių rankraščio chronogramas ir chronostichai, *Senoji Lietuvos literatūra*, kn. 39. 53–80.
- Архив, 1859 = *Архив Яуго-Западной России*. Ч.1. Киев.
- Biržiška V., 1953: *Senųjų lietuviškų knygų istorija*. D. 1. Chicago.
- Brestskaja unija, 1996 = *Brestskaja unija 1596 g. i obshhestvenno-politicheskaja bor'ba na Ukraine i v Belorussii v konce XVI – nachale XVII v.* Ch. I: *Brestskaja unija 1596 g.: Istoricheskie prichiny*. Moskva.
- Černius R., 2002: Bažnytinė unija, in Ališauskas V. (sud.), *Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos kultūra: tyrinėjimai ir vaizdai*. Vilnius, 72–93.
- Čiurinskas M., 2008: XVI–XVII amžiaus Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės biografistika, *Senoji Lietuvos literatūra*, kn. 26. 183–212.
- Čiurinskas M., 2011: Naujas dangiškasis globėjas: kai kurie „opinio sanctitatis“ aspektai istoriniuose ir literatūriniuose pal. Juozapato gyvenimo šaltiniuose XVII a., *Acta Academiae artium Vilnensis*. Dailė, t. 60: *Dangiškieji globėjai, žemiškieji mecenatai*. 85–98.
- Dobranskij F. (sost.), 1882: *Opisanie rukopisej Vilenskoj publichnoj biblioteki, cerkovno-slavjanskij i russkij*. Vil'na.
- Eisesntein E. L., 2012: *The Printing revolution in early modern Europe*. Cambridge [etc.].
- Karskij E., 2007: *Belorusy*. T 3. Minsk.
- Kaszlej A., 1993: Wpływ cerkiewnosłowiańskiej książki drukowanej na rękopiśmienną (na podstawie zbiorów Biblioteki Narodowej w Warszawie), in *Najstarsze druki cerkiewnosłowiańskie i ich stosunek do tradycji rękopiśmiennej: materiały z sesji* (Kraków, 7–10.XI.1991). Kraków, 167–178.
- Kažuro I. (sud.), 2013: *Vilniaus universiteto bibliotekos kirilikos leidinių kolekcija, 1525–1839*: katalogas. Vilnius.
- Kažuro I., 2017: Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės spaustuvių privilegijos, *Knygotyra*, t. 68. 38–82.
- Lastoŭskij V. (apr.), 1926: *Gistoryja belaruskaj (kryŭskaj) knigi: sproba pajasynice-l'naj knigopisi ad kanca X da pachatku XIX stagodz'dzja*. Koŭna.
- Lihachev D.S., 1975: Zadachi izuchenija svjazi rukopisnoj knigi i pechatnoj, in *Rukopisnaja i pechatnaja kniga*. Moskva, 3–10.

- Liškevičienė J., 1998: XVI a. pab. – XVII a. Vilniaus spaustuvių knygų grafika (Ke-
lios pastabos Vilniaus knygų grafikos meniškumo klausimu), *Knygotyra*, t. 25
(32). 110–125.
- Liškevičienė J., 2005: Tarasevičius Aleksandras, in Paliušytė A. (sud.), *Lietuvos dai-
lininkų žodynas* (= *Dictionary of Lithuanian artists*). T. 1. Vilnius, 253–255.
- Liškevičienė J., 2005a: Tarasevičius Leonas, in Paliušytė A. (sud.), *Lietuvos dailinin-
kų žodynas* (= *Dictionary of Lithuanian artists*). T. 1. Vilnius, 255–257.
- Liškevičienė J., 2014: Išryškinti ir papuošti: ankstyvųjų Vilniaus spaudinių ornamen-
tika, in Aleksandravičiūtė A. (sud.), *Ornamentas: XVI–XX a. I pusės paveldo ty-
rimai*: mokslo straipsnių rinkinys. Vilnius, 34–60.
- Liškevičienė J., 2015: 1695 m. Kražių rankraščio apipavidalinimas: nuo ornamento
iki žemėlapio, *Senoji Lietuvos literatūra*, kn. 39. 81–113.
- Makarij (Bulgakov), 1996: *Istorija Russkoj Cerkvi*. T. 9. Moskva. URL: <https://www.sedmitza.ru/lib/text/435711> (18.01.2018).
- Mironowicz A., 2003: *Kościół prawosławny w państwie Piastów i Jagiellonów*. Bia-
łystok.
- Morozova N. (sost.), 2008: *Kirillicheskie rukopisnye knigi, hranjashhiesja v Vil'nju-
se*: katalog. Vilnius.
- Morozova N., Temchin S., 2002: Cerkovnoslavjanskije rukopisi Nacional'nogo mu-
zeja Litvy (predvaritel'nyj spisok), *Slavistica Vilnensis (Kalbotyra (2))*, t. 51 (2).
135–142.
- Morozova N., Temchin S., 2002a: Cerkovnoslavjanskije rukopisi Nacional'noj bi-
blioteki Litvy im. M. Mazhvidasa (predvaritel'nyj spisok), *Slavistica Vilnensis
(Kalbotyra (2))*, t. 51 (2). 117–134.
- Morozova N., Turilov A., Kobjak N., 1997: Kirillicheskie rukopisnye knigi XV–
XIX vv. v sobranijah fondov 21 i 22 BAN Litvy, *Krakowsko-Wileńskie studia
slawistyczne*: Seria poświęcona starożytnościom słowiańskim. T. 2. Kraków,
41–112.
- Narbutienė D. (sud.), Narbutas S. (sud.), 1998: *XVII a. Lietuvos lotyniškų knygų są-
rašas* (= *Index librorum latinorum Lituaniae saeculi septimi decimi*). Vilnius.
- Narbutienė D., 2004: *Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos lotyniškoji knyga XV–
XVII a.* Vilnius.
- Narbutienė D., 2017: Po Skorinos. Leidyba Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštijoje, in
Narbutas S. (sud.), *Pranciškaus Skorinos Rusėniškajai Biblijai — 500*. Vilnius,
88–102.
- Naumow A., Kaszlej A. (oprac.), 2004: *Rękopisy cerkiewnosłowiańskie w Polsce*:
katalog. Kraków.
- Nikalaëy M., 2009: *Gictoryja belaruskaj knigi*: v dvuh tamah. T. 1: *Knizhnaja kul'tu-
ra Vjalikaga Knjastva Litoŭskaga*. Minsk.
- Rusek J. [et al.], 1993: *Najstarsze druki cerkiewnosłowiańskie i ich stosunek do tra-
dycji rękopismiennej*: materiały z sesji, Kraków, 7–10.XI.1991. Kraków.
- Shhavinskaja L., 1998: *Literaturnaja kul'tura belorusov Podljasz'ja XV–XIX vv.:*
knizhnye sobranija Suprasl'skogo Blagoveshhenskogo monastyrja. Minsk.
- Shmataŭ V., 1984: *Belaruskaja knizhnaja gravjura XVI–XVIII stagoddzjaŭ*. Minsk.

- Shmataŭ V., 2000: *Mastactva belaruskich staradrukaŭ XVI–XVIII st.* Minsk.
- Sidorov A. (sost.), 1975: *Rukopisnaja i pechatnaja kniga.* Moskva.
- Temčinas S., 2011: Bažnytinės knygos rusėnų kalba ir religiniai identitetai slaviškose Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės žemėse XIV–XVIII amžiuje: protestantų ir unitų tradicijos, *Lietuvos istorijos studijos*, t. 28. 44–59.
- Temčinas S., 2017: Skorina ir Lietuva. Mažoji kelionių knygelė ir Apaštalų darbai ir laišakai, in Narbutas S. (sud.), *Pranciškaus Skorinos Rusėniškajai Biblijai — 500.* Vilnius, 69–77.
- Ten rules, 1999 = *Ten rules concerning prohibited books drawn up by the Fathers chosen by the Council of Trent and approved by Pope Pius in Modern History Sourcebook: Council of Trent: Rules on Prohibited Books.* URL: <https://sourcebooks.fordham.edu/halsall/mod/trent-booksrules.asp> (11.03.2018)
- Topolska M. B., 1984: *Czytelnik i książka w Wielkim Księstwie Litewskim w dobie Renesansu i Baroku* (Książki o Książce). Wrocław.
- Vladimirovas L., 1979: *Knygos istorija: Senovė. Viduramžiai. Renesansas. XVI–XVII amžius.* Vilnius.

РИМА ЦИЦЕНЕНЕ

The World of Manuscripts and Printed Books in XVI–XVIIth c. GDL: Links and Intersections

This article aims to uncover what knowledge about manuscript books of this time period has been acquired so far, whether the traditional manufacturing style of manuscript books was retained or it was brought closer to the one applied to printed books. Books currently stored in the Manuscript department of the WLLAS were selected as the object of this inquiry. Based on updated dating, 112 exemplars from libraries of Suprasl, Zhyrovichy, Markov and other monasteries were selected and studied *de visu* in the aspect of Book Science. The results obtained are only preliminary due to a limited number of studied samples. Therefore most remaining exemplars are written in Cyrillic for Orthodox and Uniate Churches. After comparing manuscript and printed books, it is evident that transcription process had been taking place in a two-way manner from the middle of the XVI c. up to the XVII c. While printed books were prepared and printed based solely on manuscripts held in libraries of monasteries, printed books were copied by hand in form of codices. If the first prints were deliberately made to resemble manuscript books, at the middle of the XVII century, scribes and illuminators endeavoured to create manuscript books which would look as similar to printed books as possible. Therefore, it may be concluded the manufacturing tradition of manuscript books was retained and new and functional elements of printed structures were successfully adapted for use in manuscripts.

Keywords: manuscripts, printed books, Cyrillic, GDL, XVIth c., XVIIth c., uniates.

RIMA CICENIENĖ

**Rankraštinųjų ir spausdintinių LDK XVI–XVII a. knygų pasaulis:
sąsajos ir sankirtos**

Tiriant knygos kultūros istoriją svarbu nustatyti ne tik knygos raidos etapus, bet ir kas šiuos etapus sieja arba skiria. Šiuo straipsniu siekiama atskleisti rankraštinųjų ir spausdintinių knygų sąsajas ir sankirtas knygotyriniu aspektu. Tyrimo objektas – 112 nustatyto laikotarpio LMAVB saugomų rankraštinųjų knygų iš Supraslės, Žirovičių, Markovo ir kitų vienuolynų bibliotekų. Dėl riboto egzempliorių skaičiaus gauti rezultatai yra tik pirminiai, tačiau jų pakanka siekiant formuluoti tolesnes tyrimo kryptis. Dėl Katalikų bažnyčios cenzūros knygos lotynų kalba beveik nebuvo perrašomos, tad daugiausia išliko knygų kirilika, skirtų stačiatikių ir unitų bažnyčioms. Apibendrinant tyrimo rezultatus galima teigti, kad XVI a. viduryje – XVII a. vyko dvipusis judėjimas: iš turimų vienuolynuose rankraščių rengtos ir spausdintos knygos, o pastarosios vėl perrašinės į kodeksus. Pirmosios spausdintinės knygos buvo rengiamos rankraštinųjų knygų pavyzdžiu, o XVII a. viduryje stengtasi, kad rankraštinės knygos būtų panašesnės į spaudinius. Galima teigti, kad kodeksų perrašymo tradiciją LDK XVI a. II p. – XVII a. meistrai išsaugojo, taip pat sėkmingai pritaikė naujus funkcionalių spaudinių struktūros elementus.

Reikšminiai žodžiai: rankraštinė knyga, spausdintinė knyga, kirilika, LDK, XVI a., XVII a., unitai.

Поступило в редакцию: 31 марта 2018 г.

Принято к печати: 25 апреля 2018 г.

Rima Ciceniene, доктор гуманитарных наук, зам. директора по науке Библиотеки им. Врублевских Литовской академии наук; лектор факультета коммуникации Вильнюсского университета.

Rima Ciceniene, PhD (Humanities), Deputy Director for Science of the Wroblewski Library of the Lithuanian Academy of Sciences; lector of the Department of Book Science and Publishing, Faculty of Communication, Vilnius University.

Rima Ciceniene, humanitarinių mokslų daktarė, Lietuvos mokslų akademijos Vrublevskių bibliotekos direktoriaus pavaduotoja mokslui, Vilniaus universiteto komunikacijos fakulteto lektorė.

E-mail: rima.ciceniene@mab.lt

PUNKTY

KAZAN

od Adwentu aż do Postu,
Litewskim językiem, z wytumá-
czeniem ná Polskie,

PRZEZ

Księdza KONSTANTEGO SZYRWIDA/
Theologá Societatis IESV/

Z DOZWOLENIEM STARSZYCH
wydane.

*Libry
Księgarni
9. w. 1977*

W WILNIE

W Drukárni Akadémicy Societatis IESV

Roku M. DC. XXIX.